

Д. А. МАРТИНСЕН

ПОЛЕМИКА О «ПРОСТОТЕ» И «УПРОЩЕННОСТИ»
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»

Достоевский придавал делу Корниловой огромное значение как делу, «где затронуты самые высшие мотивы гражданской и духовной жизни» (26, 92). В его размышлениях об этом деле заключены также важные для автора «Дневника писателя» мысли о риторике, мысли эти имеют сугубо полемический характер. Ибо для Достоевского словесная позиция выражает позицию моральную. Такое понимание действительной взаимосвязи между словом и делом помогает объяснить, почему Достоевский так часто возвращался к журнальной полемике. А в деле Корниловой Достоевский увидел опасность «простоты» как выражения предельно упрощенного мировоззрения.

В мае 1876 г., когда Достоевский в первый раз услышал о деле Корниловой, он заметил в «Дневнике писателя», что «поступок этого изверга-мачехи *слишком уж странен*» (23, 137) и что нужен «тонкий и глубокий разбор», чтобы понять побуждения преступницы и помочь ей.

В октябре того же года, после первого суда над Корниловой, Достоевский изложил в «Дневнике» дело в общих чертах: «Пятнадцатого октября решилось в суде дело той мачехи, которая, помните, полгода назад, в мае месяце, выбросила из окошка, из четвертого этажа, свою маленькую падчерицу, шести лет, и еще ребенок как-ким-то чудом остался цел и здоров» (23, 136).

Тогда же автор «Дневника» начал свою полемику о простоте: «Одним словом, история, — кроме чудесного спасения ребенка, — по-видимому, представляется довольно простою и ясною историей. С этой точки, то есть с точки „простоты“, взглянул на дело и суд, и тоже самым простейшим образом присудил Екатерину Корнилову. . .» (там же).

Достоевский недоволен этим простым взглядом на судебное дело. И чтобы обосновать свое недовольство, он анализирует последствия этого дела. Корнилову сослали на каторжные работы на два года и восемь месяцев, а после истечения срока каторги — в Сибирь навсегда. Считая приговор несправедливым, Достоевский заявляет, что надо обратить внимание на аффект, вызванный у Корниловой состоянием беременности. Ибо Корнилова совершила свое преступление на четвертом месяце беременности. Писатель указывает также на возможные последствия приговора: еще нерожденный ребенок лишается семьи. Если его отправят с матерью в Сибирь, то он ли-

шится отца, а если его оставят с отцом, то — матери. Достоевский замечает с иронией: «А впрочем, мало ли что будет, лучше смотреть на дело *просто*. Просто смотреть — и исчезнут все фантазмагории. Так и надо в жизни» (23, 140).

Ироническим повторением слова «просто» Достоевский указывает на свою цель: он борется за такой взгляд на мир, который не упрощает явления реальной жизни. Писатель утверждает, что дело Корниловой было бы хорошим сюжетом романа. Ибо для Достоевского «не в предмете дело, а в глазе: есть глаз — и предмет найдется, нет у вас глаза, слепы вы, — и ни в каком предмете ничего не отыщется. О, глаз дело важное: что на иной глаз поэма, то на другой — куча. . .» (23, 141).

Здесь Достоевский косвенно обращается к русским журналистам своего времени. У писателя есть «глаз». С первого взгляда он понял общественное значение дела Корниловой. Дело во *взгляде*: как человек смотрит на мир, определяет то, как он поступает. «Взгляд» публициста отражен в его словах — слово есть выражение его понимания предмета. Достоевский хочет доказать неразрывную взаимосвязь между словом и делом, его цель — воздействовать на мир своими словами. Вот почему автор «Дневника» называет первую статью о деле «Простое, но мудреное дело». В ней писатель указывает на то, что случится, если смотреть на дело просто: Корнилова будет отправлена в ссылку, жизнь двадцатилетней женщины и ее семьи будет разрушена, ее ребенок обречен разделить судьбу матери, муж потеряет жену, а падчерица — мачеху.

Уже в октябре 1876 г. Достоевский пишет, что для того чтобы верно понять, надо учитывать все обстоятельства дела Корниловой, а особенно ее беременность. Тогда же он посещает в заключении Корнилову. И в декабре он заверяет читателя, что она хороший человек и что оправдание «поможет развернуться и созреть тем семенам и зачаткам хорошего, которые видимо и несомненно заключены в этой юной душе» (24, 43). Через год Достоевский дальше развивает образ семени: он пишет, что, оправдывая Корнилову, общество посеет семя добра в ее душе. Этот евангельский образ характерен для риторического стиля Достоевского. Своим «Дневником» он хочет посеять семя милосердия в сердцах читателей. Таким образом он стремится и осуществить оправдание Корниловой, и содействовать общественному благу.

Враг Достоевского — «простота». Вторую главу «Дневника» в октябре 1876 г. Достоевский назвал «Несколько заметок о простоте и упрощенности». В конце статьи он пишет: «А между тем от этой чрезмерной упрощенности воззрений на иные явления иногда ведь проигрывается собственное дело. В иных случаях простота вредит самим упрощителям. Простота не мешается, простота „прямолнейна“ и сверх того — высокомерна. Простота враг анализа» (23, 143). Достоевский хочет, чтобы чрезмерная «простота» не повредила обществу. Он утверждает, что милосердие общества к Корниловой облагородит и спасет ее душу. Он спрашивает: «Когда сказано было великой грешнице, осужденной на побитие камнями: „Иди в свой

дом и не грешит», — неужели она воротилась домой, чтобы грешить?» (26, 110). Оправдание пойдет на пользу и Корниловой, и обществу. Оно возвратит обществу Корнилову.

Смотреть «просто» — значит смотреть высокомерно и жестоко. В мае 1877 г., когда вторичный суд оправдал Корнилову, Достоевский снова пишет об ее освобождении «Наблюдателю» (А. С. Суворину) в «Северном вестнике», рассуждая о судьбе оправданной и падчерицы, выброшенной из окна, пишет, что он смотрит на дело «проще» Достоевского. Достоевский нарочно предназначает свой ответ «Наблюдателю» для последнего выпуска «Дневника» за 1877 г. Здесь он показал, что значит смотреть «проще»: чтобы представить себя защитником детей, «Наблюдателю» приходится злословить и над Корниловой, и над Достоевским. А происходит это потому, что «Наблюдатель» не следил за делом и намеренно искажал факты. «Наблюдатель» полагает, что Корнилова ненавидела ребенка, часто била его, преднамеренно хотела его убить. Он также намекнул, что Достоевский как защитник Корниловой выступает в качестве едва ли не врага детей.

Защищая Корнилову и оправдывая свою позицию, Достоевский указывает на непосредственное, искреннее покаяние Корниловой (она сама пошла в участок сообщить о происшествии) и на искреннее ее желание, чтобы пострадавший ребенок забыл случившееся. Автор «Дневника» снова напоминает читателю, что дело Корниловой не простое — ведь появился на свет и второй ребенок, тоже девочка. Напоминая читателям, что он хорошо знает жизнь на каторге и в Сибири, Достоевский утверждает, что, если Корнилова попала бы в Сибирь, падение ее было бы неизбежным. К тому же, если это произошло бы, для ребенка не было бы выбора — девочка последовала бы за матерью.

Достоевский доказывает «Наблюдателю», что, представляя Корнилову жестокой и этим объясняя ее побуждения, он отвергал сожаление и милосердие. И спрашивает: «Справедливо ли так поступать общественному деятелю, человечно ли?» (26, 98). Так Достоевский указывает на ответственность общественного деятеля за его слово, потому что у каждого слова есть неизбежные последствия. Писатель развивает темы человечности и долга, которые связывают людей. И дальше он спрашивает «Наблюдателя» и читателей: «Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову. Резать головы легко по букве закона, но разобрать по правде, по-человечески, по-отчески всегда труднее» (26, 106).

Здесь Достоевский противопоставляет букву закона и истинную справедливость, «простоту» и «мудреность». Легче и проще «резать головы» (к чему призывает «Наблюдатель»), чем «восстановить человека», действуя согласно голосу правды, справедливости и гуманности (что предлагает Достоевский). И Достоевский призывает читателя оправдать Корнилову в своем сердце, чтобы таким образом укрепить взаимную связь людей в обществе.

Свои заметки о простоте и упрощенности Достоевский заключает в «Дневнике» октября 1876 г. такой мыслью: «Очень часто кончается

ведь тем, что в простоте своей вы начинаете не понимать предмета, даже не видите его вовсе, так что происходит уже обратное, то есть ваш же взгляд из простого сам собою и невольно переходит в фантастический. Это именно происходит у нас от взаимной, долгой и всё более и более возрастающей оторванности одной России от другой. Наша оторванность именно и началась с *простоты взгляда одной России на другую*» (23, 143—144). Достоевский возвращается здесь к любимой своей теме почвенности, к теме отчуждения одной России от другой. Он указывает также на упрощенность взгляда как на одну из причин этой отчужденности.

Развивая ту же тему в декабре 1877 г. (15-ю месяцами позже), писатель вновь замечает, что «Наблюдатель» смотрит на Корнилову как на женщину из «темного люда», отделяя ее наглухо от мира образованных людей. Между тем вся разница лишь в языке: темные люди, как Корнилова, всего лишь не умеют выразить свои муки теми же словами, что образованные люди: «Ох, неправда! Назвать только они, эти темные люди, не умеют это всё по-нашему и объяснить это нашим языком, но чувствуют они, сплошь и рядом, так же глубоко, как и мы, „образованные люди“, и воспринимают чувства свои с таким же счастьем или с такою же грустью и болью, как и мы же» (26, 109). «Наблюдатель» уверяет, что надо смотреть на дело «проще»: но потому-то он и смотрит на Корнилову не как на человека, а как на представителя одного класса — темной и забитой массы.

Полемика Достоевского направлена не только против «Наблюдателя». Вопросы, в ней поднятые, относятся не только к делу Корниловой. Враг его, как мы уже сказали выше, — «простота». В деле Корниловой писатель усматривает губительные результаты упрощенного взгляда, игнорирующего реальную сложность жизни. Он указывает на общественные последствия этой «упрощенности»: смотреть «проще» — значит укреплять оторванность одной России от другой. Призыв Достоевского — в противоположном утверждении: смотреть «по правде, по-человечески». И именно такой взгляд, по мысли Достоевского, ведет к взаимопониманию и единству всего общества. Поэтому своим «Дневником» Достоевский не только защищает Корнилову, он борется против куцега и упрощенного мировоззрения, унижающего человека, за подлинную правду и человечность, которые дает лишь свободный от всяких искусственных шор широкий и глубокий взгляд на судьбы человека и общества.